

Викинг. По мнению других исследователей, в архетипе говорилось о магдебургском епископе Адальберте, который был императорским послом в Киеве. Однако вряд ли можно предполагать смешение имен: в «Сказании о грамоте Русьстей» есть несомненные факты из биографии Войтеха (например, мученическая смерть в Пруссии). Тем не менее мысль о сходстве Войтеха из «Сказания о грамоте Русьстей» с Викингом из Жития Мефодия представляет интерес. Русскому читателю нужно было объяснить, почему замечательное дело Кирилла и Мефодия угасло там, где оно было начато — в Моравии — и где оно было продолжено, по ПВЛ, т. е. в Чехии и Польше. Житийные традиции требовали, чтобы это объяснение было четким и понятным; здесь не могло быть рассмотрения сложных общественных условий, которые привели к разделению церквей, и вина была возложена на одну известную фигуру. С течением времени Войтех стал патроном того католического государства, которое территориально было ближе всего к России, а именно Польши. Поэтому автор «Сказания о грамоте Русьстей» избрал именно Войтеха, изобразив его новым Нероном славянского христианства.

Сторонники достоверности «Сказания о грамоте Русьстей», особенно А. В. Флоровский, утверждают, что русская православная среда вообще ничего не знала о Войтехе, поскольку его имя в некоторых списках самого «Сказания» было заменено на «вой латинский». Следовательно, известие это не могло возникнуть на Руси, а должно восходить к западославянскому источнику. Этот аргумент небезоснователен, хотя даже в православной среде о Войтехе кое-что знали: его имя встречается в одной молитве, которая сохранилась в русских списках.²⁷ Важнее другое обстоятельство — круг сведений автора «Сказания о грамоте Русьстей» о Войтехе. Сведения эти немногочисленны, они ограничиваются тем, что Войтех был «латыньский пискуп» и что он «иде в Прусскую землю, хотя и тех в веру привести, и само убьен бысть». Уже отмечалось, что такого рода сведения православный автор с XII по XV в. мог без труда получить у любого польского клирика, ибо в Польше Войтех был исключительно популярен. И православный полемист, узнав о Войтехе — патроне Польши и патроне Чехии, с легкостью мог заключить, что этот почитаемый святой латинизировал христианскую церковь у западных славян, т. е. в тех славянских странах, где, по сведениям ПВЛ, некогда расцвела славянская грамота.

После работ Биркенмайера, Халоупецкого и других было бы анахронизмом считать Войтеха врагом славянского богослужения. Сейчас почти все признают, что старое традиционное мнение о Войтехе, как авторе древнейших песнопений чешской «*Hospodine pomiluj nu*» и польской «*Bogurodzica*», покоится на реальной основе. Личное авторство, разумеется, в данном случае установить трудно, но исследования показали, что есть много признаков, которые позволяют выводить обе песни из окружения епископа Войтеха. Интересно отметить, что даже те специалисты, которые согласны с результатами исследований об авторстве древнейших чешских и польских песнопений, которые признают сильное влияние в Чехии и Польше первой половины XI столетия старославянской культуры и с изрядной долей критицизма относятся к «Сказанию о грамоте Русьстей», все же не могут освободиться от укоренившихся предрассудков и до сих пор видят в Войтехе представителя западной церкви и врага церкви восточной.

Такое отношение к Войтеху — анахронизм, но он может быть оправдан. В последней четверти X в. было абсолютным анахронизмом говорить о «русской грамоте» и несколько преждевременно — о «правой вере», по-

²⁷ Ср.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 110 и сл.